Но «сознание» так и не смогло покинуть его тело.

И вместе с ослаблением Дун Жи начало слабеть и само «сознание».

Возникло какое-то странное, невыразимое чувство.

Словно его тело запечатало «сознание», но в то же время казалось, что само тело находится под контролем этого «сознания».

В любом случае, они не могли отделиться друг от друга, превратившись в некое подобие причудливого симбиоза.

Дун Жи чувствовал панику «сознания», неспособного вырваться наружу, и его страх перед темным зверем.

Столь тяжкий груз эмоций давил на него, перекрывая дыхание, лишая сил.

Он так устал. Он больше не мог бежать.

Но темнота была такой пугающей, а запах зверя — таким жутким.

Что же делать?

Что делать, что делать?

Он задыхался.

Каждая клеточка тела ныла от боли, конечности не слушались. Неужели он умрет прямо здесь, в этом кошмаре?

— …Жижи? Жижи?

— …Малыш? Проснись, малыш?

Наконец, вырвавшись из этого гнетущего, безнадежного сна и сделав вдох живительного кислорода, Дун Жи открыл отяжелевшие веки и первым делом увидел хмурое, недовольное лицо Инь Тяня.

Словно темный зверь из сновидения вышел из тени на свет.

А сам он все еще чувствовал вокруг себя этот запах зверя из сна, и первобытный ужас ворвался в его сознание.

Дун Жи вскрикнул от испуга:

— А! Нет, не ешь меня!

Он крепко зажмурился, сжался в маленький комочек и задрожал, вызывая жалость.

Инь Тянь: «…»

Что он, спрашивается, сделал?

Он ведь ничего не сделал! Просто тихо стоял рядом, хотя и волновался за ребенка, разве нет?

Хм?

И вот так ребенок ему отплатил?

Легко представить, каким неблагодарным сыном он вырастет. Пожалуй, лучше будет просто проглотить его, как только он немного подрастет.

Дун Мянь не обращал внимания на негодующего Великого демона и, протянув руку, мягко погладил мальчишку по спине:

— Не бойся, не бойся, малыш, не бойся… Это был просто кошмар? Не бойся, ты уже проснулся, папа здесь…

Малыш долго не мог сбить высокую температуру, и в это время его мучили кошмары.

Он ворочался на кровати, что-то бессвязно бормотал, дыхание его было таким частым, будто дыхательные пути перекрыло, и вот-вот он перестанет дышать.

Это вызывало лишь тревогу и жалость.

Такое маленькое и хрупкое создание, а терпит такую огромную боль. Дун Мянь очень хотел облегчить его страдания, но, к несчастью, ничего не мог поделать.

Единственное, что оставалось — это пробудить его от кошмара.

В итоге сонный малыш увидел Инь Тяня и перепугался до смерти.

Стало еще жальче.

— Все прошло, все хорошо… Малыш в порядке, смотри, это папа… Как папа может тебя съесть, правда?

Инь Тянь: [Могу съесть, я могу проглотить его прямо сейчас]

Дун Мянь: [Заткнись]

Дун Мянь: [Я даже говорить не хочу о твоем лице, в будущем не смей приближаться к ребенку так близко]

Инь Тянь: …

Дун Жи расслышал голос Дун Мяня и начал постепенно приходить в себя.

Однако губы его все еще дрожали, и он жалобно пролепетал:

— У… не ешь малыша, малыш невкусный!

Дун Мянь не смог сдержать улыбку.

Как этот кроха умудряется быть таким жалким и одновременно таким милым?

— Никто не будет есть малыша, никто не хочет его есть… Ну все, не бойся, все хорошо…

После долгих уговоров Дун Жи окончательно проснулся.

В конце концов, двойной удар в виде температуры и кошмара — он считал, что проявил невероятную храбрость, удержавшись от слез.

— …Па, папа?

— Да, это папа, — Дун Мянь погладил его по щеке. — Кошмар приснился?

— …

Вспоминая бесконечную тьму сна и огромного зверя, вечно таящегося в ней, Дун Жи снова почувствовал страх. Ему казалось, что запах зверя до сих пор витает вокруг, перенесясь прямо из сна в реальность.

Инь Тянь, проигнорировав предупреждение Дун Мяня, все же подался вперед к Дун Жи:

— Что тебе приснилось? Так жалобно кричал, неужели папа в твоем сне хотел тебя съесть?

Дун Мянь бросил на него сердитый взгляд и поспешно оттолкнул:

— Наш малыш не нарочно, он просто еще не проснулся, да и чувствует себя плохо, правда?

Дун Жи все еще медленно соображал.

Если бы он слушал только Инь Тяня, то действительно поверил бы, что сделал что-то не так, но после слов Дун Мяня он смог успокоиться.

Стараясь кивнуть своей тяжелой головой, Дун Жи объяснил:

— …Я, я не, специально… Там правда, большой монстр, гнался за мной…

— Я, бежал, бежал… Большой монстр, догонял, догонял… Мне было очень страшно, я не хочу, чтобы меня съели…

Детский кошмар, полный невинности.

Взрослому не представить, что именно было в том сне, а значит, и не понять этот страх.

Только искренняя забота и дежурное утешение:

— Теперь все в порядке… Малыш уже проснулся, когда просыпаешься, монстры исчезают, папа тебя защитит.

Дун Жи посмотрел на Дун Мяня и доверчиво кивнул.

Кивнув, он снова взглянул на Инь Тяня, и в его взгляде читались настороженность и подозрение.

После этого он не проронил ни слова, лишь молча натянул одеяло повыше, закрыв все лицо ниже глаз.

Инь Тянь: ?

Того, что произошло ранее, уже было достаточно, чтобы испортить настроение Великому демону, но, оказывается, его ждало продолжение.

Инь Тянь: [Этот сопляк словно намекает на меня? Ты видел его взгляд?]

Дун Мянь: …

Взгляд ребенка был настолько очевидным, что он, конечно, тоже это заметил.

Хотя ему казалось, что это нельзя назвать намеком, страх и подозрение в глазах ребенка были настоящими.

Но мог ли Дун Мянь это признать?

Если вспомнить, что их отцовско-сыновние чувства друг к другу настолько малы, что ими можно пренебречь, то, конечно, нет.

Дун Мянь: [Тебе показалось]

Инь Тянь: [? Мне показалось? Ты не видел, что он специально натянул одеяло?]

Дун Мянь хотел было сказать, что это из-за температуры, при которой бросает то в жар, то в холод, и это нормально.

Но прежде чем он успел выдать эту глупость, в палату вошла медсестра, чтобы сделать Дун Жи укол.

На самом деле в день поступления в больницу у него уже брали кровь, и он уже знал, что такое игла, но тогда Дун Жи был в беспамятстве и ничего не почувствовал.

Сегодня он впервые был в сознании, и, по незнанию не боясь, малыш еще не осознавал, что его ждет.

Он лишь знал, что тетя-медсестра возится с его рукой, и она даже похвалила его за смелость.

Даже в полубреду малыш был не прочь насладиться похвалой, и пусть он не знал, за что именно, он охотно ее принял.

Пока игла не проколола кожу и острая боль не разлилась по всему телу.

— А-а-а-а — у-у-у-у — ва-а-а-а!

Дун Жи разрыдался на месте.

Кошмар не смог заставить его плакать, но один укол — и он тут же стал послушным.

— У-у-у-ва-а-а-а!

Хорошо хоть, плача, он не дергал рукой, иначе игла сместилась бы, и ему пришлось бы терпеть второй укол.

— Все, все, уже закончили, не плачь, не плачь.

Дун Мянь, боясь, что тот начнет вертеться, быстро зафиксировал руку малыша, а затем обнял его целиком.

Секунду назад он думал, какой малыш храбрый, как стойко переносит укол, даже не меняясь в лице.

А правда оказалась в том, что он просто не успел среагировать.

За два месяца отцовства, хотя многое из задуманного не удалось, его терпение заметно возросло.

Дун Мянь принялся ласково утешать ребенка и одновременно применил Заклинание успокоения, помогая ему справиться с эмоциями.

К счастью, такого рода дхарма-искусство все еще действовало, и плач Дун Жи быстро стих.

Какое-то время никто не говорил.

Пока Инь Тянь вдруг не усмехнулся, причем как-то странно.

Дун Мянь машинально поднял взгляд, и в ту же секунду в его сознание ворвался голос Великого демона:

— Инь Тянь: [Ты сейчас выглядишь как такая примерная «жена»]

Дун Мянь: ……

Он горько пожалел, что поднял взгляд.

Не стоило проявлять ни малейшего любопытства к действиям Великого демона.

Дун Мянь отчаянно закрыл глаза, молча глубоко вздохнул, стараясь успокоиться, и не желал отвечать.

Но Великий демон не собирался его оставлять в покое.

Инь Тянь: [Знаешь это слово? Я на днях новое выучил, оно означает…]

Дун Мянь: …

Дун Мянь: [Заткнись, заткнись, заткнись, ты заткнись]

Будь проклята эта телепатическая связь.

Хотя она позволяла скрытно общаться, Дун Мянь терпеть не мог, когда Инь Тянь использовал ее как оружие для домогательств.

Дун Мянь: [Хочешь, чтобы я тебя придушил?]

Инь Тянь: [Как пару дней назад?]

Дун Мянь помнил ту ночь, когда говорил с ним очень резко, не только схватил за горло, но и обозвал Инь Тяня сторожевой собакой и велел ему проваливать…

Судя по реакции Инь Тяня, его тоже задели эти слова, и он остался недоволен.

Дун Мянь: [Конечно, будет еще хуже, чем тогда]

Дун Мянь: [Хочешь, я правда надену на тебя ошейник?]

Инь Тянь: [Хорошо]

Кто бы мог подумать, что Великий демон так легко согласится.

Инь Тянь: [Если тебе нравится так играть, я с удовольствием подыграю]

Дун Мянь: ……

Дун Мянь готов был избить этого Великого демона до полусмерти.

Но, вспомнив, что тот получил травмы ради него, да еще и при ребенке, он сдержал импульс и решил найти другой способ выставить Великого демона вон.

— Сходи купи Жижи завтрак.

Так он принялся им командовать.

Инь Тянь расслышал скрытый гнев в его голосе, но внутри не мог не получать от этого тайное удовольствие.

Ничего не поделаешь.

Выводить из себя холодного и мягкого маленького небожителя — занятие чертовски приятное.

Впрочем, внешне он сдержался, не переходя границы, и сразу ответил:

— Схожу.

— Возьми что-нибудь полегче.

— Понятно.

Дун Жи под воздействием Заклинания успокоения Дун Мяня уже стал намного спокойнее.

Просто с этого момента у него появилось еще одно пугающее и ненавистное занятие.

http://bllate.org/book/30744/3748708